

РОССИЙСКАЯ ОБЩНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Цивилизационные контуры и эффекты российских революций XX столетия¹

В.В. КОЗЛОВСКИЙ*

***Владимир Вячеславович Козловский** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университета (СПбГУ); директор, Социологический институт РАН. Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14. E-mail: vvk_soc@mail.ru

Цитирование: Козловский В.В. (2017) Цивилизационные контуры и эффекты российских революций XX столетия // Мир России. Т. 26. № 4. С. 7–29. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-7-29

В статье рассматриваются цивилизационные контуры, эффекты и последствия российских революций XX столетия. Это необходимо для понимания проекта множественных модерностей российского общества в начале XXI столетия. Февральская и Октябрьская революции 1917 года стали переломным моментом современной мировой истории. Через сто лет мы подводим итоги свершившейся масштабной постреволюционной трансформации в истории новейшей России. Теоретико-методологическим основанием исследования является цивилизационный анализ, разработанный в трудах зарубежных авторов – Н. Элиаса, П. Сорокина, Б. Нельсона, В. Каволиса, Ш. Эйзенштадта, Й. Арнасоан, и российских исследователей – О.И. Шкаратана, Н.И. Лапина, Н.С. Розова, И.Г. Яковенко. Логика цивилизационного анализа российских революций определяется взаимоотношением четырех базовых социологических категорий, среди которых социальная структура, институты, культура, субъектность (или агентность). Соотношение социальной структуры и культуры представляется стержневым, так как социальные условия, причины, ресурсы, группы, их мотивация, поведение и действия осуществляются в формах культуры, ключевых символических кодах, нормах и правилах. Это означает, что динамика взаимосвязи социальной структуры и культуры функционально, структурно, поведенчески закрепляется и воспроизводится многообразными социальными институтами, которые, в свою очередь, вариативно исполняются и видоизменяются различными общественными акторами (агентами). В рамках данной категориальной схемы дается картина цивилизационных контуров и следствий российских революций. Предлагается целый ряд сопоставлений деструктивных и конструктивных цивилизационных эффектов российских революций. Академический разворот в оценке прошлого революционного столетия в России нацелен на обнаружение неизбежности тектонических сдвигов социально-структурного,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 15-03-00805а).

культурного, институционального, субъектного характера. Обновление общественного устройства в результате радикальных переворотов 1917 г. означало утверждение ускоренного проекта модернизации и построения ориентированного на широкие массы населения нового цивилизационного порядка.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационный анализ, цивилизационные эффекты, российские революции, модернизация, модерность, социальная структура, институты, культура, субъектность

Первый этап кардинального переустройства цивилизационных основ российского общества в начале XX столетия оказался лишь репетицией последующих радикальных перемен, осуществленных, казалось бы, по совершенно случайному сценарию. Взяв на себя великую роль социально-политической эмансипации одной из крупнейших стран мира, российский правящий класс в течение первого полугодия 1917 г. исчерпал имевшиеся у него ресурсы, утратил кредит доверия и уступил власть новой российской социал-демократической партии, точнее, господствовавшей в ней группе большевиков. Подготовленная в стенах Таврического дворца Петрограда и успешно проведенная Октябрьская революция завершилась разгоном Учредительного собрания Российской республики.

Февральская и Октябрьская революции 1917 г. предварялись социальными и политическими движениями 1905 г., завершившимися принятием Октябрьского манифеста, утверждением Государственной Думы и практическим переходом к конституционной монархии. Эти события послужили сигналом будущих кардинальных перемен, осуществление которых подтолкнула Первая мировая война 1914–1918 гг. Отречение Николая II от российского престола, повлекшее за собой бурные перемены в государстве и обществе после Февральского переворота во главе с Временным правительством, явилось лишь прологом октябрьского переворота 1917 г., при этом деятели буржуазной революции обнаружили полную несостоятельность в решении самых насущных задач строительства демократического государства, нового экономического и социального порядка.

Через сто лет мы подводим итоги масштабной постреволюционной трансформации в истории новейшей России, пережившей создание, расцвет и распад советского государства. Этап радикальных социалистических экспериментов, сопровождавшихся колоссальными социальными, человеческими и материальными жертвенными затратами, и, безусловно, огромными геополитическими, индустриальными и культурными достижениями, сменился новым периодом эволюционного переустройства современного российского общества в конце XX в. Подобная сверхнасыщенная событиями российская история революционных реконструкций цивилизационного порядка требует не только большого внимания; она вызывает огромный интерес к ее опыту, утратам и приобретениям, успехам и неудачам в цивилизационном обустройстве российского общества.

Природа обеих революций, пестрый калейдоскоп событий, шлейф их знаковых последствий и уроков постоянно обсуждается в исторических, социальных и гуманитарных науках. Накоплен огромный массив разнообразных документов, свидетельств, источников, данных как о событийной стороне российских революций, так и о вызванных ими радикальных преобразованиях в России и за ее

пределами. Художественное, публицистическое и научное отображение столетней постреволюционной истории чрезвычайно разнообразно, контрастно и противоречиво, и оно, несомненно, зависит от выбранной системы координат и точки отсчета. Даже на значительном удалении от 1917 г. едва ли возможна объективность в оценке вызванных российскими революциями глобальных общественных перемен. Это в первую очередь связано с социально-классовой и политической ангажированностью, идеологизированностью оценок, доктринальной приверженностью ученых, литераторов, публицистов и художников.

Во многих работах и выступлениях по данной тематике действительно поднимаются важные проблемы, но это вопросы столетней постреволюционной истории и тех уроков, которые действительно позволяют делать выводы и анализировать последствия для того, чтобы не повторять трагические ошибки и заблуждения, а обрести опыт и мудрость для современной жизни. Однако такой подход отражает, скорее, школьное отношение к революции и ее прошлому. Многие ученые, особенно историки, с энтузиазмом обсуждают и всячески подчеркивают смысл этих уроков российских революций, их значение для сегодняшнего дня. Это, безусловно, необходимый момент в рефлексии столетнего отрезка бурных перемен в российском обществе. Однако очевидно, что в действительности наше общество и современный мир находятся уже в совершенно новой ситуации многомерной современности или, по определению Ш. Эйзенштадта, множественной *модерности* [Eisenstadt 2000; Eisenstadt 2006]. Наиболее важным для нас является вопрос о российском пути модерности, а в более широкой постановке – вопрос о российском пути современного цивилизационного развития.

Поскольку революции XX в. стали генератором и мотором цивилизационного преобразования российского общества, постольку понимание заданных ими контуров выстроенных и постоянно модифицируемых институтов, структурных порядков, способов социального поведения и, конечно, полученных как следствие запланированных и чаще всего стихийных разнообразных цивилизационных эффектов социально-политических переворотов является необходимым условием реалистичных оценок российской современности.

На рубеже XX–XXI вв. от революций никто не гарантирован и не застрахован. Они уже проявили себя в самой разной гамме: «цветные революции», «арабская весна», «революции роз, тюльпанов» и масса иных социально-политических потрясений в различных регионах мира. Поэтому жизненно важным становится постижение смысла и значения истекшей российской (пост)революционной эпохи для объективного, более широкого масштабного осознания мировой истории и современной человеческой практики.

Главная проблема в социологическом понимании столь значимого явления российской и мировой истории заключается в преодолении социальной и политической конъюнктуры, концептуальной односторонности, своеобразного научного догматизма и, соответственно, в обнаружении современного ракурса взвешенной характеристики и объяснении российских революций как целостной эпохи и органичной вплетенности их в осевое время общецивилизационного мирового процесса. Цель данной статьи сводится к выявлению цивилизационных контуров, эффектов и последствий российских революций XX в., прежде всего для уяснения проекта множественной модерности российского общества в начале XXI в.

Предлагаемый в настоящей статье академический разворот в оценке прошлого революционного столетия нацелен на обнаружение неизбежности тектонических сдвигов социально-структурного, культурного, институционального, субъектного характера. Конечно, нельзя исключить такие важные аспекты общественного переустройства российского общества, как политический, правовой, экономический, хозяйственный, технико-технологический, информационный, коммуникативный. В нашем анализе эти стороны многогранных социетальных изменений имманентно включены в широкий спектр текущих мировых цивилизационных процессов, определяющих общесистемные черты и своеобразие российской цивилизационной динамики.

Опорой для нас послужил цивилизационный анализ, который позволяет масштабно и комплексно раскрыть многие аспекты изменений российского общества с начала XX до начала XXI в. Данный подход в настоящее время активно используется в характеристике и аналитике современных обществ в целом. В нашем исследовании мы опираемся на значимый для социологического изучения современных обществ ряд базовых теорий цивилизации:

- 1) теории происхождения цивилизации;
- 2) теории эволюции и процесса цивилизации;
- 3) теории многолинейного развития цивилизации;
- 4) теории локальных цивилизаций, культурных суперсистем и стилей;
- 5) теории цивилизаций как сетей отношений и контактов;
- 6) теории «осевых» цивилизаций и множественности модерностей [Браславский 2013].

Социологическая традиция в цивилизационном анализе представлена такими учеными, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Мосс, Тойнби А.Дж. Н. Элиас, П. Сорокин, Б. Нельсон, В. Каволис, Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон, Б. Виттрок, Р. Коллинз. «Вопрос, возникающий в связи с трактовкой процесса цивилизации, представляет собой не что иное, как общую проблему понимания характера исторического изменения. <...> Как вообще приходят в человеческий мир образования, которые никем из людей не предусматривались, но все же ничуть не напоминают очертания облаков, лишённые плотности, строения и структуры? <...> Ответ сравнительно прост: планы и действия, эмоциональные и рациональные побуждения отдельных людей постоянно взаимодействуют, хуже или лучше сочетаясь друг с другом. Это основополагающее переплетение отдельных человеческих планов и действий способно вызвать к жизни трансформации и образования, которые не планировались и не создавались намеренно ни одним человеком. Из данного переплетения, из этой взаимозависимости между людьми, проистекает специфический порядок, наделенный большей принудительной силой и более могущественный, чем воля и разум отдельных людей, его создающих. Именно этот порядок переплетения планов и действий определяет ход общественного развития; именно он лежит в основании процесса цивилизации» [Элиас 2001, т. 2, с. 238]. Понятие цивилизации, согласно Н. Элиасу, направлено на «прояснение природы той обладающей принудительной силой закономерности, которая задает формы совместной жизни людей, включая социальные формы и институты нашего собственного общества, возникающие, сохраняющиеся и меняющиеся на основе данной закономерности» [Элиас 2001, т. 2, с. 327].

Среди отечественных исследователей, активно занимающихся цивилизационной проблематикой, можно выделить целую плеяду известных авторов, среди

которых О.И. Шкаратан, Н.И. Лапин, Н.С. Розов, И.Г. Яковенко. Преимущества цивилизационного анализа состоят в том, что он позволяет масштабно и комплексно раскрыть социально-структурные, политико-правовые, культурные и религиозные изменения российского общества как в начале XX в., так и формирование постсоветского российского общества в начале XXI в.

Один из наиболее известных и значимых подходов в анализе русской цивилизации как евразийской, а российского общества как этакратического, сословно-слоевого общества активно развивает О.И. Шкаратан [Шкаратан 2004; Шкаратан 2010; Шкаратан 2014; Шкаратан, Ястребов 2016]. В коллективном издании «Нова ли новая Россия?» он особо подчеркивает: «Общественное устройство современной России рассматривается нами как продолжение существовавшего в СССР социально-экономического порядка, исторические корни которого уходят в многовековое прошлое страны – носительницы евразийской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества, и которая существенно отличается от европейской (атлантической) по институциональной структуре и ценностно-нормативной системе» [Шкаратан, Ястребов 2016, с. 74]. Такое понимание «евразийской/русской цивилизации, которая с XIII в. воспроизводила в своем движении постоянное возвращение к вековым традициям» [Шкаратан, Ястребов 2016, с. 115], безусловно, логично и обосновано массой исторических примеров и сопоставлений, в нем заключаются эвристический потенциал и способность дать реальную оценку историческому прошлому. Однако данная концепция оказывается в плену представлений о социально-структурных атрибутах весьма далекого прошлого; она настраивает на поиск некоего набора реликтовых следов досоветского и советского периодов в сложном устройстве современного российского общества и на их трансформацию в совершенно новых социально-экономических, политических условиях и радикально изменившемся культурном контексте. В этом видятся эвристическая уязвимость и слабость данного подхода. При этом дается совершенно правильная оценка неизменной сущности социального и политического устройства современной России как этакратической и сословной. Однако такой подход оставляет без внимания автономию и ресурсный потенциал культуры разных поколений и социально активных групп населения, их способность создавать новые формальные и неформальные институты для решения жизненно важных текущих проблем разного уровня, конструировать планы и осуществлять свои жизненные пути. Иными словами, в социоструктурно- и институционально-ориентированной концепции российского общества вне рассмотрения оказываются живые индивидуальные и коллективные практики формирования, воспроизводства и обновления проектов личной, частной и публичной модерности.

Объяснение цивилизации с учетом способа жизнеустройства больших сообществ людей дается в работах Н.И. Лапина. «Цивилизация, – пишет он, – это антропогенный способ жизнеустройства больших сообществ людей. <...> Если согласиться с таким пониманием цивилизации, а также с фактом существования российской цивилизации, то ее можно охарактеризовать прежде всего (аналогично западной и восточным) как северо-срединную: она находится на севере Евразии, а исторически началась в середине этой части континента, на стыке, а не между Европой и Азией» [Лапин (1) 2015, с. 65]. Он считает, что «главным приобретением или основным качеством культуры и цивилизации как таковой стало то, что

ценность жизни человека <...> стала первой общецивилизационной ценностью. <...> Исторически сложившееся состояние способа жизнеустройства большого сообщества людей и/или их совокупностей, занимающих определенные географические пространства, которое обеспечивает относительно устойчивое существование homo sapiens, и позволяет людям создавать условия для саморазвития их собственно человеческих качеств. <...> Такое состояние способа жизнеустройства предполагает четыре основных компонента цивилизации: (1) человек <...>; (2) <...> определенный географический ареал, положение этого ареала на земном пространстве; (3) тип культуры; (4) тип социума, или совокупности общественных отношений, возникающих между людьми в процессах их деятельности, соответствующий или несоответствующий типу культуры» [Лапин (2) 2015, с. 6]. С точки зрения Н.И. Лапина, «положение России в глобальном цивилизационном пространстве и своеобразие основных ее компонент как цивилизации позволяет выделить особую цивилизацию, “Северо-срединную цивилизацию”». Согласно этому ученому, «российская цивилизация – это не гомогенное пространство. Подобно западной и иным цивилизациям, в ней также существуют или формируются субцивилизации, обладающие этнокультурными и социально-историческими особенностями. Социокультурное пространство России многомерно». Он выделяет «три преимущественно русские, православные субцивилизации: Русско-Европейская (три федеральных округа: Центральный, Северо-Западный, Южный); Уральская; Сибирская» [Лапин (1) 2015, с. 65]. Такой подход интересен обращением к культуре и, вероятно, будет дальше разрабатываться. Однако явно недостаточно объяснительными пунктами данной концепции остаются акцент на географический фактор и второстепенное место фактора времени в жизнеустройстве больших сообществ людей, и, соответственно, в ней не рассматриваются модерности как проживаемые и переживаемые людьми хронотопы собственной жизни.

Следует упомянуть и другие подходы в аналитике цивилизационной принадлежности российского общества. И.Г. Яковенко считает, что «исследование культуры российского общества обращает нас к теории локальных цивилизаций или цивилизационному анализу, <...> предмет которой составляют так называемые локальные цивилизации» [Яковенко 2008]. Однако это всего лишь один из вариантов цивилизационного подхода, ограничивающий потенциал исследования цивилизационной динамики современных обществ. Н.С. Розов полагает, что именно концепция «колеи и перевала», уточняемая в его динамической модели кольцевой динамики, позволяет адекватным образом оценить цивилизационные особенности и процессы модернизации современных обществ, включая российский социум [Розов 1992; Розов 2011; Розов (1) 2016; Розов (2) 2016].

В нашем случае ключевыми терминами в объяснении цивилизационных особенностей и последствий российских революций выступают «цивилизация» и «революция». Такое сочетание в концептуальном осмыслении революции включает в себя целый спектр важных аспектов, в частности, условия и причины революций, а также их база, действия и ресурсы. По оценке С. Айзенштадта¹, «в революциях культурное и институциональное измерения переплетены особым образом. Благодаря этому изменяются важнейшие аспекты транссистемных норм, превалирующих в той или иной цивилизации, а также основные нормы, регули-

¹ Другое написание имени и фамилии американского социолога Ш. Эйзенштадта.

рующие политическую деятельность и деятельность центра. Революции приводят к ниспровержению существующих режимов, к изменению их основ и организационного оформления, к трансформации символов их легитимности. Происходит радикальный разрыв с прошлым; на смену прежней правящей элиты (или правящего класса) приходит новая; во всех важнейших сферах жизни общества, включая экономику и классовые отношения, наблюдаются значительные изменения» [Айзенштадт 1997, с. 23]. Понимание великих революций (в особенности российских революций прошлого века) может и должно быть представлено не только в более широких или масштабных терминах, но и комплексно. Именно цивилизационный анализ позволяет разобраться в основаниях, причинах и последствиях произошедшего в российском обществе перелома, повлекшего целый шлейф радикальных перемен и в нашей стране, и на других континентах.

Использование базовой схемы цивилизационного анализа в концептуальном объяснении российской постреволюционной истории направлено на выявление, раскрытие и оценку *цивилизационных контуров и следствий российских революций*. Логика их цивилизационного анализа определяется взаимоотношением четырех базовых социологических категорий, включающих социальную структуру, институты, культуру, субъектность (или агентность). Соотношение социальной структуры и культуры является стержневым, так как социальные условия, причины, ресурсы, группы, их мотивация, поведение и действия осуществляются в формах культуры, ключевых символических кодах, нормах и правилах. Это означает, что динамика взаимосвязи социальной структуры и культуры функционально, структурно, поведенчески закрепляется и воспроизводится многообразными социальными институтами, которые в свою очередь вариативно исполняются и видоизменяются различными общественными акторами (агентами). Относительная устойчивость и подвижность каждой из четырех основ цивилизационного устройства могут иметь, во-первых, вид традиционно сложившейся иерархии (например, сословный тип социальной структуры и связанные с ним формы культуры, институтов и человеческого поведения); во-вторых, эта четырехосновная динамика может складываться как квазиколлективный солидарный тип социальной структуры, обеспечивающий сохранение и обновление общественного договора и консенсуса общепринятыми большинством средствами культуры и моделями поведения; в-третьих, она исторически была представлена в качестве патриархального уклада социальной структуры с соответствующей символикой, нормами и стереотипами поведения.

Цивилизационный порядок любого общества как в спокойный период, так и в период бурных революций разворачивается весьма противоречиво. Цивилизационное преобразование в условиях радикальных общественных перемен происходит крайне произвольно, событийно синхронно, согласованно и взаимозависимо; на этом базируется успех социально-политического переворота. Иными словами, контингентность, симультанность и когерентность являются существенными свойствами коренной цивилизационной трансформации. Между тем разрушение прежних и утверждение новых форм власти, нового правящего класса и социальных групп протекают с высокой степенью автономности, независимости и отчуждения от доминирующих политических, экономических и культурных институтов, в ином случае революция оборачивается поражением и реставрацией устаревшего цивилизационного порядка. Первая русская революция 1905 г. как раз и была репетицией революций 1917 г., но самодержавие, как и весь правящий

класс, державшийся, казалось бы, на прочной сословной иерархии, не извлекли уроков из первых признаков надвигающейся катастрофы в российском государстве, явно нуждавшемся в глубоких реформах цивилизационного порядка.

В настоящем исследовании автор опирается на имеющийся в социальных науках опыт концептуального анализа цивилизационного процесса: это и теория происхождения цивилизаций, и теория эволюции, многолинейного развития цивилизаций, локальных цивилизаций, теория цивилизаций и теория осевых цивилизаций и множественных модерностей. Особо следует подчеркнуть одно обстоятельство, вернее, основной тезис: к цивилизации отношение разное, и очень часто исследователи оперируют такими метафорами, как западная, восточная цивилизация, японская, российская или русская цивилизация. По мнению автора, подобное выделение цивилизаций по географическому или этнокультурному признаку представляется научно малопродуктивным. Оно скорее отражает демаркацию для упрощения понимания сложного социокультурного комплекса, популяризации различий между народами и решения идеологических и политических задач. Выделять отдельные типы и виды цивилизаций по этнокультурному, географическому или иным отдельным принципам, безусловно, можно, но это дает нацеленное на заостренное метафорическое определение обособленности разных культур. Все современные национальные общества и государства, так и российское общество на рубеже XIX–XX вв., находились и находятся в *общецивилизационном* процессе. Своеобразие различных обществ и культур любых регионов, континентов не исчезает, а, наоборот, заключается в поиске и утверждении собственного варианта цивилизационного развития, потерь и приобретений, неудач, успехов и достижений. С этой точки зрения некоторые понятия и концепции, которые используются для аналитики особенного и общего в *цивилизационных* процессах, позволяют многое понять гораздо более объективно и достоверно.

И с этой точки зрения следует рассмотреть еще один используемый для анализа концепт – активно развиваемую в последние двадцать лет теорию множественных модерностей (*multiple modernities*), которая дает возможность раскрыть еще один аспект, а именно многомерную современность. Можно рассуждать об обществе и культуре в терминах социально-структурных, культурных, экономических, политических процессов, институтов, действий, которые предоставляют вполне обстоятельные ответы, но освещают лишь отдельные грани общественной жизни, развития государств и стран, прежде всего структурные, пространственные. Однако если речь идет о проживаемой и переживаемой людьми длительности, то это время – разная для различных поколений современность, поэтому проблема множественных современностей или множественных модерностей остается на повестке дня социальных и гуманитарных наук. Это всего лишь некий понятийный аппарат для пояснения концептуальных рамок изучения цивилизационных эффектов российских революций.

Разрушительный характер российских революций по отношению к сложившейся социальной структуре и цивилизационному устройству российского общества на рубеже XIX–XX вв. общеизвестен. Вместе с тем очевиден и созидательный характер российских революций, особым образом проявившийся в конструировании и построении советского проекта модернизации, в обустройстве советского типа цивилизационного порядка. В рамках данной категориальной схемы – *оппозиции деструктивных и конструктивных цивилизационных эффектов российских*

революций – предлагается выявить и проанализировать предложенные в *таблице 1* представления о цивилизационных контурах и следствиях российских революций.

Неизбежность и характер российских революций определялись, прежде всего, потребностями самой глубокой модернизации российского общества на рубеже XIX–XX вв., являвшейся базовым элементом его цивилизационной динамики. Вместе с тем российское общество предреволюционного периода уже находилось в стадии эскалации масштабного конфликта преимущественно сословной социальной структуры, архаических и нарождающихся социальных институтов, бюрократического и неэффективного политического режима. На фоне новых цивилизационных образцов (паттернов) опережающего развития западноевропейских стран на рубеже XIX–XX вв. Россия сумела встроиться в процесс так называемой догоняющей модернизации и в ходе цивилизационного самоопределения оказалась в фарватере революционных разрушительных преобразований. Преодоление отставания и вхождение в общецивилизационный процесс и современность начала XX в. вызвали среди разных социальных групп спрос на совершенно новые формы устройства власти, хозяйства, культуры, то есть адекватной времени модерности для многонационального общества и множественных модерностей для эмансипирующихся слоев населения. Необходимость радикального революционного включения российского общества в процесс модернизации и встраивания в цивилизационную динамику на рубеже XIX–XX вв. практически была предопределена, и основные проблемы заключались именно в выявлении места, выборе пути и формировании социальной и культурной идентичности предреволюционного российского и раннего советского общества в общемировых и региональных цивилизационных процессах.

Однако цивилизационные изменения российского общества в региональном и глобальном контексте породили новые противоречия в ходе динамичной когерентности новой постреволюционной советской идентичности и включения ее в общемировое цивилизационное многообразие. Цивилизационное развитие советского и постсоветского российского общества настолько специфично и так своеобразно встроено в тренды общецивилизационной эволюции, что это обстоятельство позволяет утверждать о самобытной русской или евразийской цивилизации. Между тем можно с уверенностью декларировать, что новые факторы, механизмы и ресурсы цивилизационных перемен обеспечивали в прошлом и дают возможность в настоящем достаточно большим группам населения российского общества обеспечить уровень и стиль жизни по образцам модерности (текущей современности). Начиная с середины 1980 г. пространство цивилизационного развития российского общества формировалось не столько властными элитами, народными традициями, религиозными предписаниями, сколько индивидуальной энергией людей, получивших шанс экономической, интеллектуальной, социальной свободы. Это означает, что тип современности российского общества характеризуется новой цивилизационной идентичностью, которой постепенно овладевают россияне. В коллизиях, напряжении, необычных социально-экономических, правовых, политических условиях, новом культурном контексте разными поколениями осваиваются модусы современности (модерности), формируя собственную цивилизационную идентичность. Новейшему современному этапу российского общества предшествовала бурная жертвенная столетняя история цивилизационных изменений.

Таблица 1. Цивилизационное измерение контуров и эффектов российских революций

Деструктивные цивилизационные эффекты российских революций		Конструктивные цивилизационные эффекты российских революций	
<i>Структурно-ориентированный цивилизационный контур</i>			
1.	Разрушение традиционного аграрного общества с остатками феодальной сословной социальной структуры	Конструирование и осуществление советского проекта модернизации, внеэкономического уклада народного хозяйства, советской современности	
2.	Разрыв с институционально и политически слабым российским капитализмом, его насильственная ликвидация	Создание партийно-государственной системы власти и управления, политико-административного устройства советского народного хозяйства	
3.	Социально-политический «прорыв» масс и обрушение неустойчивой хаотической модернизации экономики	Создание нового экономического порядка, плановой директивной централизованной экономики, ускоренная индустриализация	
4.	Разрушение полуфеодальной и капиталистической системы социального неравенства в благосостоянии	Система уравнительного социального обеспечения: всеобщая трудовая занятость и общественные фонды потребления	
5.	Административное устранение механизмов социальной мобильности буржуазного общества: распад социальных иерархий и возвышение «социальных низов»	Административное регулирование социальных перемещений и социальной мобильности: паспортный режим, прописка	
6.	Нигилистическая социальная эмансипация: деградация статуса и престижа социальных «верхов»	Практики проектирования и поддержания советской системы социального равенства, однородной социальной структуры	
<i>Институционально-ориентированный цивилизационный контур</i>			
7.	Передел собственности, ликвидация и запрет традиционных для императорской России форм частной и государственной собственности	Формирование новой правовой системы общества, включая правовые формы собственности (общенародная, кооперативная, личная)	

8.	Практики правового деклассирования и внеэкономического принуждения «лишневцев» к труду и занятости	Создание системы всеобщей поголовной занятости, правовые механизмы обеспечения права на труд, борьба с лунейством, отказом участвовать в общественном труде
9.	Террор как повсеместная практика подрыва институтов власти, управления и общественного порядка	Внесудебные практики репрессий и государственного террора по отношению к потенциально протестным группам
10.	Слом самодержавной власти, государственной машины, административного и политического устройства российского общества	Создание новой политической системы и режима партийно-государственной власти, федерального устройства страны и территориального деления по национальному принципу
11.	Ликвидация неравноправия, дискриминации женщин	Сексуальная, гендерная эмансипация, юридическое закрепление равноправия женщин и мужчин
12.	Разрушение системы империализма и колониальной системы мира	Международное влияние на создание социалистически ориентированных союзов и коалиций, деколонизация, поддержка революций в зарубежных странах, лояльных режимов
Культурно-ориентированный цивилизационный контур		
13.	Отказ от культурного дворянского и буржуазного наследия и провозглашение новой пролетарской культуры, ликвидация безграмотности	Культурная революция, становление социалистической культуры, новой культурной среды, культурных индустрий, новых культурных групп, нового советского человека
14.	Интеллектуальная и идеологическая готовность интеллигенции и активных слоев населения к социальному перевороту, потрясениям («отщепенство», по П.Б. Струве)	Создание и утверждение тоталитарной идеологии, репрессивных механизмов лояльности интеллигенции партийной идеологии и господствующему режиму власти, создание новой социальной группы – интеллигенции
15.	Радикальный разрыв с сословным, политико-правовым, культурным статусом, закрепощавшим национальные меньшинства	Советская национальная политика и интернационализация: создание новой интернациональной общности «советский народ»
16.	Ослабление, маргинализация православной церкви и других конфессий (разрушение институциональных основ религиозности)	Воинствующий атеизм: система государственного и общественного утверждения секулярного атеистического уклада

Многие ученые подчеркивают, что главным элементом и фактором революций является модернизация, и Российская империя безусловно находилась в центре этого мирового процесса. Вместе с тем Россия была активно включена в процесс цивилизационной динамики современных обществ, будучи одной из самых продвинутых развивающихся индустриальных стран. Поэтому рассмотрение российских революций в аспекте цивилизационного развития – это и есть раскрытие, прежде всего, тех процессов, успехов и провалов модернизации, о которых уже многое известно. Возникает закономерный вопрос: чем были вызваны революции – неудачами или успехами модернизации в России? И это, безусловно, вопрос о причинах и следствиях глобальной трансформации российского общества в прошедшем столетии. Если допустить, что модернизация в России шла успешно, то почему страна попала, по мнению А.И. Солженицына, в «красное колесо»? Она оказалась в тупике, население испытывало невероятные трудности, а буржуазный правящий класс, согласно формуле «верхи не могли, а низы не хотели», не смог вывести страну из глубокого кризиса. Соответственно, модернизация императорской и постимператорской России была насильственно прекращена, и разрыв (точнее, перерыв) в ней продолжился на новых социалистических основаниях.

История российских революций отражена в огромном наборе образов, научных терминов и метафор. Начиная с великого события XX в. – переворотов 1917 г. – в публицистике, художественной и научной литературе, на разных уровнях звучат такие оценки революций, как катастрофа, провал, разрыв, раскол, перелом и т.п. Все эти обозначения весьма колоритно характеризуют российские революции. Но в чем же состояла катастрофа? С точки зрения разных групп населения (крестьянства, рабочих, солдат, интеллигенции, буржуазии или тех новых классов, которые формировались уже после революции), конечно, это были совершенно разные оценки свершенного, утрат, обретений и перспектив.

Здесь и возникает одна из важных тем: была ли и в чем состояла необходимость радикального революционного поворота российского общества ради продвижения российской модернизации? Совершенно очевидно, что разрушительный характер российских революций по отношению к сложившемуся обществу, к социальной структуре, культуре, экономике привел к таким издержкам, которые были практически невозможны в дальнейшем. И абсолютно справедливо утверждение о нахождении России в процессе догоняющей модернизации и соответствующем непрерывном поиске разными группами населения адекватных способов преодоления отставания, разрешения антагонистических конфликтов, которые накопились в обществе к началу XX в.

В нашем исследовании нет претензии на обнаружение всех результатов и эффектов российских революций: оно направлено преимущественно на описание и объяснение деструктивных и конструктивных цивилизационных последствий российских революций. Следует подчеркнуть и даже настоять на том, что при этом не приводится ни негативная, ни позитивная оценка результатов. Важный момент в анализе состоит именно в раскрытии картины деструктивных (разрушительных) и созидательных эффектов революций начала XX в.

Какое общество было в России в конце XIX – начале XX в.? Во-первых, это было традиционное аграрное общество с остатками феодальной, сословной социальной структуры, подвергавшееся в большинстве случаев разрушительным усилиям со стороны и различных слоев общества, и самодержавной власти.

Во-вторых, в России господствовало саморазрушающееся («самоедское») устройство общества, поэтому нельзя говорить о случайности революций и что они были порождены произволом политиков, их ошибками либо интересами маргинальных групп, их конъюнктурными предпочтениями, вкусами, эмоциями. Такое объяснение, по меньшей мере, наивно. Российское общество было действительно патриархально, консервативно, и оно нуждалось в серьезных преобразованиях. Особенно необходимы были перемены тем социальным слоям, которые после отмены крепостничества получили минимальную социально-экономическую свободу и вышли на широкую арену общественной жизни, но их активность или их усилия наталкивались на непреодолимые препятствия, созданные и поддерживаемые сословным строем самодержавия и разрушенные революциями начала XX в. Как было правильно подчеркнуто, революции начались раньше, не в 1917 г., и даже, наверное, не в 1905 г., а несколько раньше. Именно это является одним из главных моментов, который стал локомотивом действительных перемен и который следует учитывать в оценке российских революций. Отмеченный нами первый деструктивный эффект цивилизационного характера состоял в решении задачи уничтожения рудиментарных социальных и политических структур архаичного, аграрного и традиционного российского общества.

Один из важнейших негативных эффектов Октябрьской революции заключался в разрушении капитализма и маргинализации российского общества. Капитализм и российская буржуазия оказались неспособны взять власть в свои руки и грамотно осуществить переустройство страны. Поэтому Февральская революция, представлявшая собой торжественное знамя и способ утверждения буржуазии, по сути дела оказалась пирровой победой и привела к Октябрьской революции.

В перечне важнейших деструктивных последствий находится и масштабный социальный и финансово-экономический прорыв, нацеленный на замену активно продвигающейся (пусть и неустойчивой или хаотической) модернизации российской экономики и общества после отмены крепостного права. Дело в том, что действительно многое в царской России было сделано на огромные заемные финансовые и материальные ресурсы, на которые опиралось правительство. Обязательства России перед Францией и Великобританией в период Первой мировой войны были ультимативным инструментом в принуждении российского правительства к невыгодной для страны стратегии в навязанной войне и тяжелым политическим последствиям.

Ключевой вопрос российской действительности – вопрос о собственности. Именно в этом пункте заключается деструктивный цивилизационный эффект российских революций, ставший воплощением в жизнь главного жизненного интереса огромных масс Российской империи. Передел собственности и отношений собственности, который запустила революция, стал центральным вопросом с точки зрения не только экономической, но и социальной – вопрос о накопленном материальном и культурном достоянии, о национальном богатстве и его распределении, о земле как базовой основе аграрного общества. С каким лозунгом выступили большевики? Вслед за эсерами они предложили социализацию земли, что было, вероятно, самым привлекательным для крестьянской страны лозунгом. Может быть, он представлялся слишком информационным и популистским, но тем не менее этот лозунг оказался главным, собравшим под знамена крестьянское население, так или иначе поддерживавшее обе революции. Чаяния народа, прежде

всего крестьян о своем наделе, о своей собственности, стали катализатором и мотивирующим фактором свершения Октябрьской революции, которая, по сути дела, разрешила (по крайней мере, декларативно) самую важную для большинства населения России проблему.

В числе наиболее значимых деструктивных цивилизационных эффектов российских революций следует отметить и уничтожение самодержавной власти. Несмотря на лояльное отношение большинства населения к самодержавию, его ликвидация осуществилась без особого труда и кровопролития. Это свидетельствовало о том, что формула «самодержавие, православие, народность» фактически исчерпала идеологический мобилизационный потенциал поддержки институтов императорской власти. Со стороны самых разных слоев российского общества были продемонстрированы нейтралитет, равнодушие и недовольство. Представлявший интересы российской буржуазии политический класс был охвачен пафосом революционных перемен системы государственного устройства. Но это был верхушечный передел власти, вместе с тем опиравшийся на сложившиеся устойчивые настроения среди горожан и сельчан изменить ограниченный уклад политического участия. Общее вполне позитивное отношение социальных низов к царской власти контрастировало с нарастающим стремлением их к эмансипации в решении современных вопросов хозяйственно-экономического обустройства, культурной автономии, социальной мобильности. Налицо было явное противоречие общего признания легитимности верховенства самодержавной власти и поведенчески достаточно слабо проявляемого отчуждения от политических институтов. Переустройство политического режима России было одним из важнейших пунктов как в программах, так и в практике российских партий: именно ими задавался жесткий режим радикального слома государственной власти, причем его трудно сравнивать с процессом уничтожения абсолютизма в период Великой французской революции, где задействовались другие механизмы. В России ликвидация самодержавной власти происходила совершенно особым образом: это была программа институционального радикального слома, для которого характерен ключевой цивилизационный аспект существования и функционирования царской власти, требующий замены на рациональный бюрократический режим, где институтами являлись прежде всего экономические, политические, правовые, которые и были уничтожены. Это и есть разрушительные эффекты, но, еще раз следует подчеркнуть, не в позитивном или негативном ключе, а в институциональном аспекте.

Что же происходило на практике? Основные идеи радикального террора были сформулированы и испытаны в России еще во второй половине XIX в.: П.Н. Ткачев, теоретик создания тайной централизованной и законспирированной революционной организации, и С.Г. Нечаев, основатель революционного «Общества народной расправы», обосновали идеологию и практику устрашения, ставшего основным методом и способом общественного и политического переустройства путем морального и физического насилия. Фактически государственный или индивидуальный террор как механизм, широко практикуемый в ходе и после российской революции, стал в XX столетии и является им в настоящее время одним из самых действенных инструментов разрешения международных и национальных конфликтов. Подобный репрессивный опыт применения структурного и персонального насилия в условиях до- и пореволюционной России был достаточно эффективным методом устранения препятствий для завоевания и удержания политического господства.

Особо следует выделить знаковый деструктивный цивилизационный эффект российских революций, заключающийся в разорванности интеллектуальной и духовной атмосферы в обществе, интеллектуальной и идеологической готовности российского общества (в лице прежде всего интеллигенции и активных слоев населения) к радикальному переустройству общества, названной крупным русским социальным мыслителем П.Б. Струве «отщепенством интеллигенции». Вначале он выступал идеологом активного революционного перехода страны от феодализма к капитализму, стоял у истоков создания социал-демократии в России, но после Первой русской революции 1905 г. перешел на позиции либерального консерватизма, цивилизационного обустройства России на началах крепкой государственности, религиозности и национальной культуры; позже он стал критиком большевизма, радикального разрушительного отношения к собственной стране и призывал к созданию великой России, которую надо возрождать и хранить.

Следующий деструктивный цивилизационный эффект российских революций состоял в маргинализации и разрушении конфессиональных основ российского общества. Почему общество поддержало или было, по крайней мере, пассивно к религиозным институтам, тем более что период 1920–1930 гг. – это время, когда активно проходили антиклерикальные процессы в отношении не только православной церкви, но и других конфессий? Очевидно, внутренними основаниями духовно-религиозного перелома в императорской России стали общие процессы десакрализации, роста образовательного уровня населения, расцвета искусства, науки, журналистики в период начальной индустриализации на рубеже XIX–XX вв. Социальная база основных конфессий в условиях широко открывшихся шлязов профессиональной, трудовой и персональной мобильности резко изменилась: численность городского населения, в частности рабочего класса, существенно выросла; молодые поколения формировались в новой атмосфере обсуждения, проявления и защиты социальных прав и свобод. Предпосылки для ускоренной маргинализации духовенства, церкви, в целом институтов религиозного влияния формировались довольно долго и особенно рельефно обнаружили себя в постреволюционный период. Важным разрушительным результатом являются отказ от культурного, в частности дворянского и буржуазного наследия, и провозглашение новой пролетарской культуры и той самой культурной революции, которая была неким символом создания нового устройства общества, новой «революционной» цивилизации.

Нигилистическая социальная эмансипация представляет собой еще один деструктивный цивилизационный эффект российских революций, заключающийся в деградации социального и культурного статуса и авторитета власти, аристократии, дворянства и в целом правящих верхов. Революция сделала очень важный шаг в уничтожении престижа, почета и классового верховенства аристократии, что было одним из главных стимулов активности социальных низов. Фактически произошел социально-институциональный слом: революция административным образом ввела новое положение социального происхождения – верхи стали низами, а низы превратились в верхи. Этот директивный способ устранения сословной социально-политической системы реализовал доктринальное конструирование, проектирование и реализацию нового социалистического уравнительного порядка, программы, намеченной в трудах классиков марксизма-ленинизма. Дополнением стали практики правового деклассирования и внеэкономического принуждения «лишенцев» к труду и занятости. Собственно говоря, эти практики и есть продолжающаяся в 1920–1930 гг. гражданская война.

Перечень деструктивных цивилизационных эффектов и результатов российских революций можно продолжить, но следует перейти к конструктивным следствиям цивилизационного переустройства российского общества. В первую очередь необходимо упомянуть тяжело складывавшийся, но реально осуществленный советский проект модернизации, который был основан на внеэкономическом механизме институционального принуждения. Исключение составляет краткосрочный нэповский период, который был действительно своеобразным экономическим способом модернизации, быстро отмененным в силу несоответствия основным программным целям построения нового социалистического общества. Проект модернизации 1920–1940 гг. включал в себя обширный круг направлений: восстановление народного хозяйства, коллективизацию сельского хозяйства, индустриализацию, технологическое обновление промышленности, новую систему полной занятости, создание многоуровневой профессиональной подготовки.

Ключевым в проекте построения основ советского общества стало создание нового экономического порядка и плановой административно управляемой экономики. Данное институциональное изменение явилось первоочередным завоеванием российских революций, позволившим поднять экономику, провести преобразование во многих областях сельского хозяйства, промышленности, обороны, культуры и образования. Эти достижения и успехи первоначальной социалистической модернизации объективны и подтверждаются реальным развитием страны, однако нельзя забывать и о социальной цене побед, о фактически репрессивном механизме ускоренной модернизации.

Необходимым звеном в реализации программы построения основ нового социалистического общества стал идеологически обеспеченный институт социального и государственного контроля исполнительной и судебной постреволюционной власти: это прежде всего политико-административные внесудебные и подчиненные государственной машине судебные способы санкций, наказаний и в целом система государственного принуждений в рамках своеобразной социалистической законности, представленная большей частью внесудебной практикой репрессий и государственного террора. Система исправительных и трудовых лагерей, испробованная еще в период Гражданской войны (1918–1922 гг.), превратилась в систему государственного управления лагерей (ГУЛАГ). Безусловно, будет большим преувеличением утверждать, что модернизация страны и экономики в частности была осуществлена исключительно благодаря системе репрессивного подавления [Бородкин, Грегори, Хлевнюк 2008; Белых 2011; Смирнов 1998; Данилов, Маннинг, Виола Т. 1–5, 1999–2006; Широков 2000]. Роль практикуемых партийной и подчиненной ей государственной системой репрессивных методов принуждения к новым формам социалистического общежития, в том числе к обязательному труду, исполнению государственно-идеологических доктринальных предписаний, к «правильному» индивидуальному и коллективному поведению, являлась весьма значимой: фактически этот способ позволил жестко тоталитарным или более мягким авторитарным образом решать многие жизненно важные для постреволюционной эпохи проблемы. Для реализации масштабных целей переустройства советского общества на началах социалистической идеологии и коллективизма была сформирована новая система революционного права, а затем и социалистической законности. Краеугольным камнем экономической системы стало законодательное утверждение нового института общественной собственно-

сти, исключаяющей право частной собственности как полностью противоречащее устоям социализма. Таким образом, прежнее законодательство и правовая система, включавшие защиту частной собственности, прав и свобод частного лица, были просто ликвидированы. Были узаконены система революционного права, а в дальнейшем и новая правовая система советского общества, которые утвердили формы правомерного общественно-направленного поведения и объявили преступными частно-собственнические интересы, предпринимательство в ключевых сферах хозяйственной, экономической финансовой деятельности населения. Между тем природа противоречий общественного (общенародного) и личного (и частного) интереса неоднократно проявляла себя и в ходе новой экономической политики в 1920-е гг., и в период сталинской индустриализации и коллективизации, и во время экономических реформ 1960-х гг. Проблемы экономического роста, производительности труда, стимулирования трудовой активности, заинтересованности в труде требовали адекватных решений. Одни репрессивные меры и принуждение к труду оказывались временными и явно непродуктивными. Многие, если не все, в управлении экономикой и хозяйственной жизнью упиралось в суть фактических и правовых отношений собственности. Именно поэтому вопросы эффективности господствовавших форм социалистической собственности активно изучались советскими экономистами, юристами, обществоведами в 1950–1980-е гг. Следует отметить труды известных ученых А.В. Бенедиктова, М.В. Колганова В.П. Шкредова, Н.А. Цаголова, Л.И. Абалкина. Но главная проблема советских экономистов в вопросе собственности заключалась в оценке, насколько существовавшая практика легализации и реализации доминировавших отношений общественной собственности способствовала развитию народного хозяйства или, наоборот, тормозила экономическую активность населения.

Важнейшим конструктивным достижением цивилизационного порядка российской революции представляется создание партийно-государственной системы власти и управления, политико-административного устройства и деления многонационального государства (в институциональном аспекте это один из главных элементов обустройства социалистического общества). В настоящее время российское общество «пожинает» плоды казавшегося незыблемым партийно-государственного порядка во главе с правящей коммунистической партией и выстроенного политико-административного устройства общества и страны. В частности, территориальное деление СССР и государственное строительство по принципу национального республиканского представительства стали одним из факторов разбега по «национальным квартирам» и распаду Советского Союза². Результаты национально-государственного конструирования советского периода, осуществленного партийно-государственной системой, имеют вполне конкретные цивилизационные последствия в текущих кризисах и конфликтах и находятся в социально-политической повестке дня современной России.

Следующий конструктивный цивилизационный эффект российских революций – это советская национальная политика и создание интернациональной общности «советский народ», причем эта концепция жива до сих пор³. Соци-

² Показательным примером служит современный кризис на Украине.

³ Недавно в Казани прозвучало предложение о формировании российской нации: по всей видимости, речь идет о создании некой новой исторической общности российского народа.

листический опыт создания и утверждения общности советского народа убеждает в утопичности реализации подобных идей, вместе с тем это было действительным цивилизационным завоеванием российской революции, что и продемонстрировал на практике Советский Союз.

Значимым положительным цивилизационным следствием российских революций стали создание системы поголовной занятости и, соответственно, обоснование и использование правовых и политических механизмов борьбы с туеядством в частности, и с отказом участвовать в общественном труде в целом⁴. Однако следует отметить, что институциональное принуждение к труду на индивидуальном и коллективном уровне означало доминирование внеэкономических способов вовлечения в производительный общественный труд, что подрывало трудовую мотивацию и заинтересованность населения в экономической и хозяйственной деятельности.

Важнейшим конструктивным цивилизационным эффектом российских революций, обнажившим социальные причины радикального слома императорской России, является борьба за социальное равенство, главным результатом которой стала сложившаяся в советское время система социального равенства и уравниловки (хорошо изученная в отечественной социальной науке однородная социальная структура). Она создавалась инструментами институционального порядка, идеологически, партийно-политически, государственно, административно, мировоззренчески и морально: например, это были действующие до сих пор режимы административного регулирования социальных перемещений, социальной мобильности, паспортный режим (прописка, регистрация). Доминировавшее уравнительное распределение национального богатства в качестве цивилизационного достижения осуществлялось по-разному, но представлялось весьма действенным: в частности, система уравнительного социального обеспечения обеспечивалась через общественные фонды потребления, ставшие важным механизмом общественного и личного благосостояния и индивидуального потребления.

Общеизвестен тот факт, что российские революции очень сильно повлияли на политический мир, дав импульс национальным движениям. К важнейшим конструктивным цивилизационным эффектом российских революций можно отнести и масштабную деколонизацию. Она произошла не сразу, но благодаря различным способам поддержки революций, лояльных групп революционеров, их режимов, особенно после Второй мировой войны, прежний колониальный мир распался. Это один из важнейших не только созидательных, но позитивных эффектов российских революций, которые наглядно продемонстрировали возможности освобождения от всякого внешнего диктата и деспотизма ради справедливости и благополучия собственного народа.

Также к важным конструктивным цивилизационным эффектам российских революций следует причислить и культурную революцию, которая была осуществлена уже после так называемых переворотов 1917 г. Культурное строительство привело к установлению новой культурной среды, культурных индустрий и групп. Оно было направлено на формирование «советского человека», что уже отмечалось как весомое завоевание российских революций, провозгласивших создание нового индивида и фактически создавших тип советского человека («совка»). При этом,

⁴ Хотя к 1970–1980-е гг. внеэкономическая и политико-правовая практика исчерпала себя, тем не менее в 1950–1960 гг. советскими властями все еще активно применялись различные методы борьбы с туеядством.

несмотря на оскорбительную окраску данного термина, это определение не отменяет значимость подобного гуманитарного цивилизационного эффекта.

В данном контексте следует подчеркнуть роль российских революций и в широчайшем размахе и росте эмансипации в самых значимых сферах – не только в социальной, экономической, политической, но и в сексуальной, и в гендерной. Речь идет об осуществленной в постреволюционной России гендерной эмансипации, не только провозглашенной, но и практически реализованной сексуальной свободе (например, в движении под руководством И. Коллонтай)⁵.

Свобода вероисповедания нашла свое воплощение в утверждении воинствующего атеизма и действительно всеобщей системы государственного и общественного секулярного атеистического уклада. Она сводилась не только к разрушению церквей и гонениям духовенства, но пропагандировала новые нерелигиозные ценности и модели поведения. По этой причине весьма неожиданным представляется происходящий в настоящее время переход от воинствующего (пусть и умеренного) атеизма советского времени к новой религиозности.

Российские революции произвели мощнейший разрушительный эффект в экономике, политике, социальной структуре, культуре и повседневности. Политика массового социального деклассирования привела к социальному выравниванию общества, пусть и доктринальными, административными, директивными методами. Вместе с тем российские революции сформировали и утвердили мощный пласт конструктивных цивилизационных эффектов в исторически осуществленном советском обществе, в системе реального социализма. Было создано общество, которое можно было бы назвать советской цивилизацией, но точнее будет сказать, что российское общество находилось и находится в общецивилизационном мировом процессе. Это означает, что завоевания и провалы российских революций, их и деструктивные, и конструктивные эффекты, позитивные и негативные последствия следует глубоко проанализировать и оценить, чтобы не повторять тяжелых заблуждений и ошибок, связанных с величайшими природными, культурными, материальными, человеческими издержками. Во избежание этого важно понять прошедшую цивилизационную историю нашей страны и других государств в системе координат современности, главных ориентиров и факторов цивилизационных перемен сегодня, чтобы действительно предвидеть и предотвратить право- и леворадикальные разрушительные воздействия на общество, власть и прежде всего людей во имя их развития, самореализации, взаимного процветания и решения насущных проблем, тем более что, современная Россия обладает и необходимыми ресурсами современного эволюционного цивилизационного обустройства общества, и пространством цивилизационного развития ради осуществления самых разных форм и модусов проживаемой поколениями современности.

⁵ Как известно, в России и в других странах до 1917 г. и женщины, и представители маргинальных слоев не имели ни избирательного права, ни иных равных прав трудиться, участвовать в общественной и политической жизни своих обществ.

Литература

- Айзенштадт С.Н. (1997) Цивилизационные измерения социальных изменений. Структура и история // Чубарьян А.О. (ред.) Цивилизации. Выпуск 4. М.: МАЛП. С. 20–32.
- Белых Н.Ю. (2011) Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.). М.: РОССПЭН.
- Бородкин Л., Грегори П., Хлевнюк О. (ред.) (2008) ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН.
- Браславский Р.Г. (2013) Цивилизационная теоретическая перспектива в социологии // Социологические исследования. № 2. С. 15–24.
- Горшков М.К., Петухов В.В. (ред.) (2015) Российское общество и вызовы времени. Книга первая. М.: Весь Мир.
- Данилов В.П., Маннинг Р., Виола Л. (ред.) (1999–2006) Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. Т. 1–5. М.: РОССПЭН.
- Лапин Н.И. (1) (2015) Дистанция между состояниями модернизированности макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // Общественные науки и современность. № 5. С. 61–71.
- Лапин Н.И. (2) (2015) Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии // Вопросы философии. № 4. С. 3–16.
- Лапин Н.И. (3) (2015) Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии // Вопросы философии. № 6. С. 3–17.
- Розов Н.С. (1992) Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск: НГУ.
- Розов Н.С. (2011) Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН.
- Розов Н.С. (1) (2016) Динамика расцветов и распадов обществ: на пути к охватывающей парадигме // Общественные науки и современность. № 4. С. 146–158.
- Розов Н.С. (2) (2016) Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания // ЭКО. № 10. С. 78–95.
- Смирнов М.Б. (сост.) (1998) Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М.: Звенья.
- Тойнби А.Дж. (2003) Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-пресс.
- Хорос В.Г. (2015) Модернизация в цивилизационном анализе // Чубарьян А.О. (ред.) Цивилизации. Выпуск 10. Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. М.: Наука. С. 7–15.
- Черныш М.Ф. (2015) Цивилизационные основания общества и социальная структура // Шкаратан О.И., Лексин В.Н., Ястребов Г.А. (ред.) Россия как цивилизация: материалы к размышлению. М.: Издательство: Редакция журнала «Мир России». С. 341–366.
- Шемякин Я.Г. (2015) Модернизация как процесс межцивилизационного взаимодействия // Чубарьян А.О. (ред.) Цивилизации. Выпуск 10. Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. М.: Наука. С. 107–146.
- Широков А.И. (2000) Дальстрой: Предыстория и первое десятилетие. Магадан: Кордис.
- Шкаратан О.И. (2004) Российский порядок: вектор перемен. М.: Витапресс.
- Шкаратан О.И. (2010) Системы цивилизаций и модели социальноэкономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. Т. 19. № 3. С. 23–45.
- Шкаратан О.И. (2014) Евразийский вектор русского цивилизационного транзита // Общественные науки и современность. № 3. С. 73–83.
- Шкаратан О.И., Лексин В.Н., Ястребов Г.А. (ред.) (2015) Россия как цивилизация: материалы к размышлению. М.: Редакция журнала «Мир России».
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (ред.) (2016) Нова ли новая Россия: монография. М.: Университетская книга.
- Шляпентох В. (2008) Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт.
- Эйзенштадт Ш. (1999) Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс.
- Элиас Н. (2001) О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. М., СПб.: Университетская книга.

-
- Яковенко И.Г. (2008) Познание России: цивилизационный анализ. М.: Наука.
Eisenstadt S.N. (2000) Multiple Modernities // *Daedalus*, vol. 129, no 1, pp. 1–29.
Eisenstadt S.N. (2004) The Civilizational Dimension of Modernity // *Rethinking Civilizational Analysis* (eds. Arjomand S.A., Tiryakian E.A.), Sage Publication Ltd, pp. 48–66.
Eisenstadt S.N. (2006) *The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity*, Brill.
-
-

Civilizational Contours and the Effects of the Russian Revolutions in the 20th Century

V. KOZLOVSKIY*

***Vladimir Kozlovskiy** — Doctor of Science in Philosophy, Professor, Head of Department Sociology of Culture and Communication, St. Petersburg State University (SPSU); Director, Sociological Institute RAS. Address: 25/14, 7th Krasnoarmejskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation. E-mail: vvk_soc@mail.ru

Citation: Kozlovskiy V. (2017) Civilizational Contours and the Effects of the Russian Revolutions in the 20th Century. *Mir Rossii*, vol. 26, no 4, pp. 7–29 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-7-29

Abstract

This article considers the civilizational contours, and the effects and consequences of the Russian revolutions in the 20th century, and sheds new light on the fate of the project of multiple modernities in Russia. The theoretical and methodological foundation of the study is the civilizational analysis developed in the works of Elias, Sorokin, Nelson, Kavolis, Eisenstadt, Arnason, as well as several Russian researchers: Shkaratan, Lapin, Rozov, Yakovenko. The logic of the civilizational analysis of Russian revolutions is based on establishing relationships between four basic sociological categories: social structure, institutions, culture and agency. The relationship between social structure and culture is most essential, because social conditions, causes, resources, groups, their motivation, behavior and actions are implemented in the forms of culture, key symbolic codes, norms and rules. This means that the dynamics of social structure and culture are functionally, structurally, and behaviorally determined; structure and culture are themselves reproduced by diverse social institutions, which in turn are executed and transformed by various social agents. Through this categorical scheme the article draws the civilizational contours and evaluates the consequences of Russian revolutions. A number of destructive and constructive civilizational effects of these revolutions are outlined and compared. The main argument of the article is that the renewal of the social system in Russia, which followed the radical upheavals in 1917, implied an accelerated project of modernization and the building of a completely new civilizational order, which appealed to the broader population.

Key words: civilization, civilizational analysis, civilizational effects, Russian revolutions, modernization, modernity, social structure, institutions, culture, subjectivity

References

- Belykh N.Yu. (2011) *Ekonomika GULAGa kak sistema podnevol'nogo truda (na materialakh Vyatlaga 1938–1953 gg.)* [The Gulag Economy of as a System of Forced Labor (Based on Evidence from Vyatlag 1938–1953)], Moscow: ROSSPEN.
- Borodkin L., Gregori P., Khlevnyuk O. (eds.) (2008) *GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda* [GULAG: The Economy of Forced Labor], Moscow: ROSSPEN.
- Braslavskij R.G. (2013) Tsivilizatsionnaya teoreticheskaya perspektiva v sotsiologii [Civilizational Theoretical Perspective in Sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 2, pp. 15–24.
- Chernysh M.F. (2015) Tsivilizatsionnye osnovaniya obshchestva i sotsial'naya struktura [Civilizational Foundations of Society and Social Structure]. *Rossiya kak tsivilizatsiya: materialy k razmyshleniyu* [Russia as a Civilization: Readings for Reflections] (eds. Shkaratan O.I., Leksin V.N., Yastrebov G.A.), Moscow: Redaktsiya zhurnala «Mir Rossii», pp. 341–366.
- Danilov V.P., Manning R., Viola L. (1999–2006) *Tragediya sovetskogo derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie: Dokumenty i materialy* [The Tragedy of Soviet Village. Collectivization and Dekulakization: Documents and Materials]. T. 1–5, Moscow: ROSSPEN.
- Eisenstadt S.N. (1997) Tsivilizatsionnye izmereniya sotsial'nykh izmenenij. Struktura i istoriya [Civilizational Dimensions of Social Changes. The Structure and the History]. *Tsivilizatsii. Vypusk 4* [Civilizations. Issue 4] (ed. Chubar'yan A.O.), Moscow: MALP, pp. 20–32.
- Eisenstadt S.N. (1999) *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv: Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsij* [Revolution and Transformation of Societies: a Comparative Study of Civilizations], Moscow: Aspekt-Press.
- Eisenstadt S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, vol. 129, no 1, pp. 1–29.
- Eisenstadt S.N. (2004) The Civilizational Dimension of Modernity. *Rethinking Civilizational Analysis* (eds. Arjomand S.A., Tiryakian E.A.), Sage Publication Ltd, pp. 48–66.
- Eisenstadt S.N. (2006) *The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity*, Brill.
- Elias N. (2001) *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya* [On the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Studies]. T. 1, 2, Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds.) (2015) *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya* [Russian Society and the Challenges of Time. The First Book], Moscow: Ves' Mir
- Khoros V.G. (2015) Modernizatsiya v tsivilizatsionnom analize [Modernization in Civilizational Analysis]. *Tsivilizatsii. Vypusk 10. Modernizatsiya i tsivilizatsionnye vyzovy XXI veka* [Civilizations. Issue 10. Modernization and Civilizational Challenges in the 21st Century] (ed. Chubar'yan A.O.), Moscow: Nauka, pp. 7–15.
- Lapin N.I. (1) (2015) Distsantsii mezhdru sostoyaniyami modernizirovannosti makroregionov Rossii i ikh tsivilizatsionnye smysly [Distances Between the States of Modernization in Russia's Macroregions and Their Civilizational Meanings]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 61–71.
- Lapin N.I. (2) (2015) Fundamental'nye tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v XXI stoletii [The Fundamental Values of Civilizational Choice in the XXI Century]. *Voprosy filosofii*, no 4, pp. 3–16.
- Lapin N.I. (3) (2015) Fundamental'nye tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v XXI stoletii [The Fundamental Values of Civilizational Choice in the XXI Century]. *Voprosy filosofii*, no 6, pp. 3–17.
- Rozov N.S. (1992) *Struktura tsivilizatsii i tendentsii mirovogo razvitiya* [The Structure of Civilization and the Trends of World Development], Novosibirsk: NSU.
- Rozov N.S. (2011) *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategij Rossii v XXI veke* [The Track and the Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century], Moscow: ROSSPEN.

- Rozov N.S. (1) (2016) Dinamika rassvetov i raspadov obshchestv: na puti k okhvatyvyayushchej paradigme [The Dynamics of Blossoms and Decays in Societies: Towards the Embracing Paradigm]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 146–158.
- Rozov N.S. (2) (2016) Revolyutsionnye volny v mirovoj istorii: dinamicheskie modeli rosta i ugasaniya [Revolutionary Waves in the World History: the Dynamic Models of Growth and Extinction]. *EKO*, no 10, pp. 78–95.
- Shemyakin Y.G. (2015) Modernizatsiya kak protsess mezhtsivilizatsionnogo vzaimodejstviya [Modernization as a Process of Intercivilizational Interaction]. *Tsivilizatsii. Vypusk 10. Modernizatsiya i tsivilizatsionnye vyzovy XXI veka* [Civilizations. Issue 10. Modernization and Civilizational Challenges of the 21st Century] (ed. Chubar'yan A.O.), Moscow: Nauka, pp. 107–146.
- Smirnov M.B. (comp.) (1998) *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerej v SSSR. 1923–1960. Spravochnik* [The System of Corrective Labor Camps in the USSR. Handbook], Moscow: Zven'ya.
- Shirokov A.I. (2000) *Dal'stroj: Predystoriya i pervoe desyatiletie* [Dalstroj: The History of Origins and the First Decade], Magadan: Kordis.
- Shkaratan O.I. (2004) *Rossijskij poryadok: vektor peremen* [The Russian Order: a Vector of Changes], Moscow: Vitapress.
- Shkaratan O.I. (2010) Sistemy tsivilizatsij i modeli sotsial'noekonomicheskogo razvitiya Rossii i drugikh postkommunisticheskikh stran Evropy [Systems of Civilizations and Models of Social and Economic Development of Russia and Other Post-Communist Countries of Europe]. *Mir Rossii*, vol. 19, no 3, pp. 23–45.
- Shkaratan O.I. (2014) Evrazijskij vektor russkogo tsivilizatsionnogo tranzita [The Eurasian Vector of Russian Civilizational Transit]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 73–83.
- Shkaratan O.I., Leksin V.N., Yastrebov G.A. (eds.) (2015) *Rossiya kak tsivilizatsiya: materialy k razmyishleniyu* [Russia as a Civilization: Readings for Reflections], Moscow: Redaktsiya zhurnala «Mir Rossii».
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (eds.) (2016) *Nova li novaya Rossiya* [Is the New Russia New], Moscow: Universitetskaya kniga.
- Shlyapentokh V. (2008) *Sovremennaya Rossiya kak feodal'noe obshchestvo. Novyj rakurs postsovetskoy ery* [Modern Russia as a Feudal Society. A New Perspective of the Post-Soviet Era], Moscow: Stolitsa-Print.
- Toynbee A.J. (2003) *Tsivilizatsiya pered sudom istorii* [Civilization Before the Court of History], Moscow: Ajris-press.
- Yakovenko I.G. (2008) *Poznanie Rossii: tsivilizatsionnyj analiz* [Understanding Russia: Civilizational Analysis], Moscow: Nauka.